

В ЧАС ДОСУГА

ЛЮБИТЕЛИ театра, наверно, помнят, какое место заняла на сцене лет 10 — 15 назад русская и советская проза, отечественная и зарубежная поэзия. Инсценировки по произведениям русских классиков, советских и зарубежных писателей становились событиями театральной жизни страны. Специалисты объясняли это явление многими причинами. Историки театра еще скажут свое слово. И тогда они обратятся к признаниям актеров и режиссеров о круге их чтения, о восприятии литературы.

Среди театральных работ А. Вилькина обращение к прозе Ф. Абрамова («Дере-

этого чтения. Так же произошло с романом «Братья Карамазовы». От интереса к сюжету — к счастливому ощущению, что ты, как губка, впитываешь все оттенки мысли и чувства автора. Или тебе по крайней мере так кажется. Ты одно целое с автором. И усилия познания, понимания автора доставляют тебе радость.

«И дольше века длится день» читал трижды. Но тут было другое.

— **Что именно? Желание поставить спектакль?**

— Я влюбился в этот роман сразу. Захотелось перенести его на сцену. Стал читать с надеждой найти ему театральную форму. И не получалось долго, так сильно я люблю все в этом романе. Пока не родилось ощущение того, что есть главное для меня в этом произведении.

— **Вы сами заметили, что «медленное чтение» требует хотя бы частичного совпадения вашего настроения, ваших чувств с настроением автора. Повседневная жизнь вла-**

АКТЕР И КНИГА

Кн. обозрение - 1989 - 21 авг. (№34)

ЧТО-ТО ЕЩЕ В ПЕРЕДИ

вянные кони»), М. Булгакова («Мастер и Маргарита»), В. Астафьева («Ясным ли днем»), Е. Носова («Усыятские шлемоносцы»), Ю. Трифонова («Обмен») и др. А в числе радио- и телеспектаклей, поставленных этим режиссером, произведения А. Чехова, Беранже, Рабле, Н. Гильена.

В беседах с И. Мирошниченко и В. Васильевой уже вставал вопрос о роли книги в жизни и творчестве актера. Разговор с А. Вилькиным начался с вопроса о «медленном чтении» и «быстром чтении» — этих двух терминах, мелькающих на страницах газет и журналов. Одни ратуют за технику скоростного чтения в век обилия информации и недостатка времени, другие — за вдумчивое чтение литературы во времена обилия дел и забот и недостатка душевного общения.

— Все зависит от человека. Если он и при быстром чтении умеет ощутить главное, уловить детали, аромат поэтики — его счастье. Я такой способностью не обладаю. Не могу представить, как можно быстро прочесть «Котлован» А. Платонова. Такая это сложная, прекрасная музыка звуков, интонаций, общего тона. А «Пастух и пастушка» В. Астафьева?

«Быстрое чтение» — это чтение ради сюжета, события из жизни героя. А «медленное» — во имя радости от искусства.

— **Что означает эта радость?**

— Это прежде всего сознательная попытка, мое предварительное согласие подчиниться художественным законам данного автора, раствориться в его тексте, ощутить построение фразы, абзаца, эпизода, почувствовать своеобразие ритма. Порой это бывает «долгое» чтение. Четыре раза я принимался за чтение «Игры в бисер» Г. Гесса. Впервые дошел до 50-й страницы и отложил. Тяжело. Недостало опыта, литературного вкуса, не совпал эмоциональный настрой. Прошло много времени. Снова откладывал не раз. Наконец, однажды сел читать в 4 часа пополудни, а кончил в 4 часа утра. Читал быстро, неотрывно, легко. Но это не было «быстрое» чтение. Просто я уже не мог, не хотел прерывать

стно распоряжается нами и, видимо, не всегда мы решаемся на усилие, необходимое, чтобы отодвинуть дела и заботы и остаться наедине с книгой, настоящим произведением искусства?

— С возрастом я все меньше читаю именно так, для души. Либо читаешь в связи с новой постановкой, чтобы понять эпоху данного автора, круг его мыслей. Либо потому, что нельзя не прочесть. И лишь порою — для, условно говоря, восстановления душевных сил, растворения, можно сказать, погружения в мир совершенного произведения. И всякий раз это происходит по-разному. Например, ощущение от первого чтения «Мастера и Маргариты» — будто не можешь выпить это огромное море. Особенно сцены с Пилатом. Будто медленно соскальзываешь в пропасть: и страшно, и неостановимо. А потом, при перечитывании, уже другое: сопричастность, пусть слабое, но осязаемое сцепление с мыслями автора. Наверно, чем больше любишь автора, его творение, тем сильнее ощущаешь это сцепление. Так происходит с моим отношением к толстовской повести «Смерть Ивана Ильича». О чувстве к ней, как о сокровенном, говорить трудно, да и не надо. В одном могу признаться, что перечитывать ее буду всю жизнь.

— **Это углубление вашего понимания толстовского текста или открытие новых сторон его творчества?**

— И то и другое, наверное. В последние годы, «медленно читая», открыл юмор Толстого. Очень современный, грандиозный юмор. Сразу же, на первых страницах «Войны и мира». Например, в описании петербургского салона, в том, как его хозяйка пускает «веретена» разговора: «Как хороший метрдотель подает как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не хочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям сначала виконта, потом аббата, как что-то сверхъестественно-утонченное».

И это, конечно, не последняя радость от чтения Толстого. Что-то еще впереди?

Беседу вела М. ШЕЙКИНА.